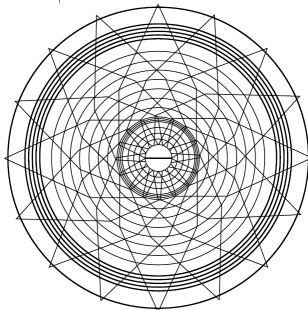

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаева М. С.
*Коммуникативные функции
архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии*

<https://doi.org/10.17323/cmd.2026.36243>

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОГО РЕШЕНИЯ КОМПЛЕКСА СИГИРИИ

Абейсекера С. Х. М.

аспирант программы «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура»,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(Москва, Россия)

sanathab66@gmail.com

Воробьева Д. Н.

кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник,

Сектор искусства стран Азии и Африки,

Государственный институт искусствознания

(Москва, Россия)

darya_vorobyeva@mail.ru

Шибаева М. С.

филолог, филологический факультет,

Липецкий государственный педагогический университет

(Липецк, Россия)

maja99@list.ru

Аннотация:

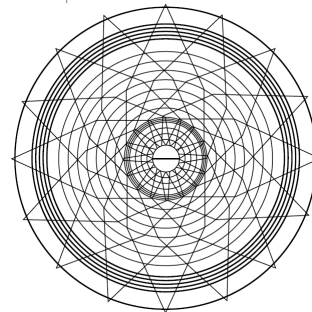
В V в. на плоском горном плато в самом центре Шри-Ланки по инициативе царя Кашьяпы был возведен масштабный дворцово-парковый комплекс, объединивший в себе достижения разных областей культуры своего времени: градостроительства, ландшафтного дизайна, архитектуры, гидравлики, живописи, скульптуры. До наших дней от ансамбля уцелели лишь руины, ставшие достопримечательностью острова. В 1982 г. комплекс получил статус памятника Всемирного наследия, находящегося под охраной ЮНЕСКО. Авторы традиционных исследований рассматривают Сигирию в основном в категориях археологии или истории искусства. Однако комплекс представлял собой целостную среду, спроектированную так, чтобы отражать заложенные в ней концепции и оказывать определенное воздействие на посетителя. В статье архитектурно-планировочное решение Сигирии впервые анализируется как коммуникативная визуальная среда. Опираясь на концепции архитектурной семиотики и нарративного подхода к пространству, а также на методы сценарного моделирования, автор реконструирует замысел древних создателей комплекса. Показано, что путь от подножия до вершины скалы был организован как

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

Коммуникативные функции

архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии

драматургически выстроенное восхождение, вовлекавшее все органы чувств: световые и акустические эффекты, зеркальные поверхности, тактильные ощущения. Каждая зона комплекса — от сложной системы водных парков до дворца на вершине — имела уникальные характеристики, подчиненные единой задаче: визуализировать сакральную природу власти правителя.

Ключевые слова: архитектура, Южная Азия, Сигирия, семиотика, нарративная архитектура, пространственный опыт, иммерсивность

1. Введение

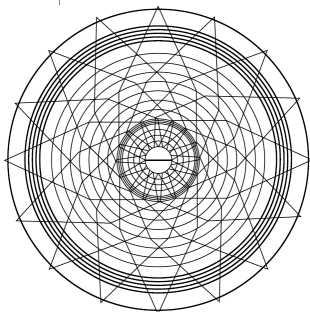
В последние десятилетия понятие нарратива прочно вошло в лексикон архитекторов и дизайнеров среды, которые рассматривают пространство не как статичный объект, а как развернутый во времени сценарий. Исследователи все чаще обращаются к категориям повествования для описания того, как среда организует опыт человека, направляет и трансформирует восприятие. Ключевой характеристикой такой среды оказывается иммерсивность — степень погружения, при которой сообщение перестает восприниматься как внешняя информация и проживается как субъективная реальность.

Эти теоретические инструменты открывают новые возможности для изучения памятников прошлого. Архитектура на протяжении веков служила средством повествования, воплощая послания о власти, общественных ценностях и космическом порядке. Объектом данного исследования стала Сигирия — дворцово-парковый ансамбль V в., возведенный царем Кашьяпой на скальном плато в самом центре Шри-Ланки (рис. 1).

Рисунок 1. Вид на Сигирию

Источник: автор

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаяева М. С.

*Коммуникативные функции
архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии*

Научные исследования памятника начались в XIX в. — после того, как в 1831 г. руины обнаружил офицер британской армии Дж. Форбс, — и продолжаются до сих пор. Комплексу посвятили свои труды А. К. Кумарасвами, П. Дараниягала, С. Бандаранаяке, Р. Сильва, С. И. Тюляев и другие ученые. В наши дни комплекс по-прежнему находится в фокусе археологических, исторических, искусствоведческих, архитектурных и лингвистических изысканий.

Авторы классических исследований рассматривают Сигирию в основном в категориях археологии или истории искусства, фокусируясь на атрибуции или описании отдельных ее элементов. Однако комплекс представлял собой не просто сумму построек и произведений древнего искусства, а целостную систему, тщательно сконструированную среду. Создатели Сигирии мыслили масштабными пространственными категориями, выстраивая сложные, многоплановые взаимосвязи между архитектурой, ландшафтом, гидравликой и изобразительным искусством. Каждый элемент комплекса — от расположения террасных садов до траектории движения воды — был подчинен единому замыслу: визуализировать и транслировать определенные концепции.

В данном исследовании Сигирии были использованы, помимо классических, новаторские междисциплинарные подходы: метод сценарного моделирования, заимствованный из области дизайна и архитектуры, а также метод реконструирования образа мышления архитектора. Подробнее они описаны в статье «Применение метода сценарного моделирования для виртуальной реконструкции утраченных памятников на примере Сигирии» (Абейсекера, 2025).

Цель статьи — проанализировать архитектурно-планировочное решение Сигирии как коммуникативную визуальную среду, формировавшую опыт древнего «пользователя» (гостя царя Кашьяпы). Среди основных задач статьи:

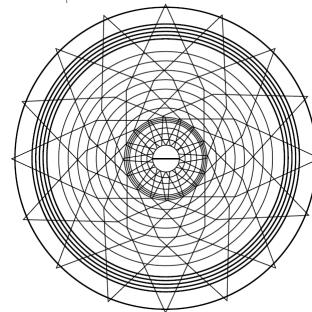
1. описать архитектурно-планировочную структуру Сигирии и выявить принципы организации пространства;
2. выявить механизмы иммерсивного воздействия (световые, акустические, тактильные эффекты) на древнего посетителя комплекса и показать их роль в формировании его сенсорного опыта;
3. опираясь на методы архитектурной семиотики и нарративного анализа, реконструировать логику древних проектировщиков и выяснить, что Сигирия может быть осмыслена как один из прототипов коммуникативной визуальной среды, предвосхитив многие принципы современного дизайна.

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

Коммуникативные функции

архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии

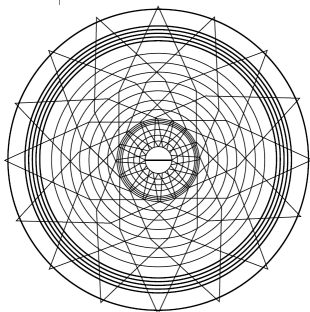
Обоснование данного подхода требует предварительного рассмотрения концепций, описывающих архитектурно-пространственную среду как знаковую систему и пространство для моделирования иммерсивного опыта.

2. Архитектурная семиотика: среда как язык

Архитектура сегодня выступает мощным инфлюенсером, формируя городскую среду, культурные тренды, создавая эстетически притягательные локации и становясь инструментом невербальной коммуникации. Фундамент для описания архитектуры как носителя смыслов был заложен в рамках семиотики — междисциплинарной науки о знаках, символах и знаковых системах, которая оформилась в самостоятельную дисциплину к 1950–1960-м гг. Одним из первых исследователей, применивших структурную семиотику к архитектуре, был У. Эко, чья академическая деятельность была тесно связана с архитектурным образованием. В работе «Отсутствующая структура: Введение в семиологию» (1968) он рассматривает архитектуру в ряду знаковых систем, описывая ее как инструмент передачи смыслов: «Имея дело с архитектурой, мы оказываемся вовлеченными в акт коммуникации, что вовсе не исключает функциональности» (Эко, 2006). Развивая это направление, теоретики архитектуры, такие как Дж. Бродбент, Ч. Дженкс и Д. Прециози, предложили исследовать архитектурное пространство как сложную иерархию знаков, организованных в системы. Архитектура понимается здесь как полифункциональная знаковая система, способная транслировать сложные сообщения.

Еще одним ключевым деятелем в этой области стал канадский философ и культуролог М. Маклюэн с его тезисом *the medium is the message*, т. е. «средство коммуникации и есть сообщение» (McLuhan, 1964). Он описывает архитектуру не просто как носитель информации, подобный книге, а как саму информацию — динамическую среду, которая способна вступать с человеком в коммуникативные отношения. Американский историк архитектуры Р. Мартин в своей работе 2003 г. «Организационный комплекс: архитектура, медиа и корпоративное пространство» (Martin, 2003) применяет этот подход к анализу архитектуры корпоративных зданий, показывая, как через ритмическую организацию фасадов, модульные структуры и повторяющиеся паттерны передается информация об организации и ее корпоративном имидже.

Концепция *нарративной архитектуры* — еще одна ступень развития вышеупомянутых идей. Этот подход исследует пространство как инструмент повествования. Если семиотика отвечает на вопрос, что значит тот или иной элемент, то нарративный подход служит, чтобы выяснить, какую историю

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

*Коммуникативные функции
архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии*

проживает человек в конкретном месте. Так, К. Норберг-Шульц наделяет архитектуру способностью сохранять в пространственных формах и транслировать коллективные воспоминания и идентичности. В фундаментальной работе *Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture* (Norberg-Schulz, 1980) он развивает феноменологический подход к архитектуре, утверждая, что ее главной целью является создание «экзистенциальной опоры» для человека через раскрытие «духа места». *Genius Loci* представляет собой совокупность физических и символических характеристик пространства, которые придают ему уникальный характер. Если архитектору удастся раскрыть этот характер, архитектурная форма становится медиумом, через который человек вступает в диалог с историей, считывая заложенные в пространстве смыслы.

Современные исследователи еще больше расширили представления о потенциале нарратива в архитектуре. Среди них британский архитектор Н. Коутс, который предлагает рассматривать пространственную среду не как статичный объект, а как развернутый во времени сценарий (Coates, 2012). А исследователь монументальной архитектуры М. Колб напрямую соединяет данные когнитивной науки, психологии и семиотики для анализа того, как пространственная среда транслирует смыслы (Kolb, 2020).

Концепции архитектурной семиотики и нарративного пространства, сформулированные теоретиками XX–XXI вв., позволяют по-новому взглянуть на архитектурные феномены далекого прошлого. Этот междисциплинарный подход сегодня активно развивается в рамках *когнитивной археологии*. Как пишет один из ее основоположников, К. Ренфрю, задача этой дисциплины — увидеть в материальных остатках прошлого отражение мыслительных процессов (Renfrew & Zubrow, 1994). Особый интерес представляет семиотическое направление в археологии, сторонники которого рассматривают памятники как знаковые системы, требующие «прочтения» и интерпретации (Preucel, 2010).

Далее мы рассмотрим, как зодчие Сигирии использовали пространственную среду для транслирования заданных смыслов через организацию мультисенсорного, иммерсивного опыта посетителя.

3. Архитектурно-планировочное решение Сигирии: структура коммуникации

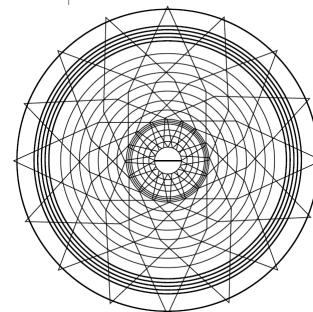
Эпоха строительства ансамбля являлась периодом экономического и культурного расцвета Шри-Ланки, временем бурного развития международной торговли в ее портовых городах, и сам комплекс Сигирии стал кульминационным воплощением этих достижений. Исследования памятника как ландшафтно-архитектурного проекта демонстрируют тщательную продуманность:

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

Коммуникативные функции

архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии

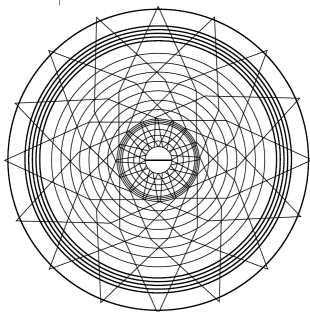

проектировщики использовали строгую ориентацию парков по сторонам света и очевидно учитывали, как комплекс будет выглядеть с разных уровней в зависимости от того, наблюдает его посетитель сверху или снизу.

Н. Курей в своей диссертации описывает ландшафтную композицию Сигирии как сложную вертикальную систему, организованную снизу вверх. Весь комплекс отчетливо делился на несколько последовательных визуальных слоев, которые формировали иерархическую структуру восприятия (Cooray, 2012).

Нижний слой представлен окружающей равниной с ее естественным ландшафтом, который ассоциируется с миром людей и животных. У подножия скалы располагался водный парк с фонтанами, павильонами и бассейнами. Планировка сада регулярная, ее отличают правильные, симметричные формы: четыре бассейна со смотровой беседкой посередине. Такая организация напоминает персидскую планировку *чарбаг*, появившуюся еще в период Ахеменидов и затем активно применявшуюся в исламской традиции, где сад, состоящий из четырех частей, с осевыми дорожками, пересекающимися в центре, своей планировкой воплощал исламскую концепцию рая на земле. Центральное пересечение при этом символизировало точку встречи земного и божественного. Однако в контексте Сигирии этот символ обогащается дополнительными коннотациями: райский сад становится не просто идеалом загробной жизни, а реальной резиденцией царя, что сближает его с небожителями.

Далее, по мере подъема, водный парк переходит в «сад валунов», где геометрическая строгость и симметрия уступают место природной естественности (рис. 2). Под многими массивными каменными глыбами сада находились пещерные кельи, которые в более ранний период населяли буддийские монахи. Затем эти сооружения стали элементами королевского сада, превратившись в комнаты для отдыха гостей, украшенные росписью (Bandaranayake, 1993). Другие валуны служили основанием для беседок, о чем свидетельствуют сохранившиеся остатки кирпичных кладок или специально заделанных для них каменных выемок. Сразу после сада валунов начиналась система искусственных террас, которые концентрическими ярусами поднимались от подножия скалы вверх.

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

*Коммуникативные функции
архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии*

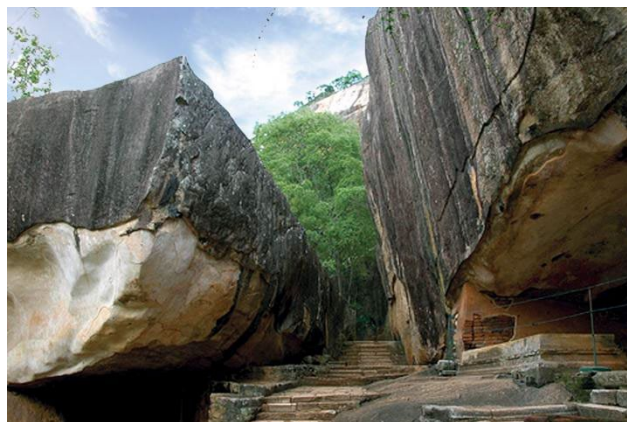

Рисунок 2. Сад валунов. Сохранившиеся остатки кирпичных кладок

Источник: автор

По западному склону скалы, на середине подъема к вершине, проходит галерея с рукотворной «зеркальной стеной», так тщательно отполированной, что днем она могла в какой-то степени отражать небо. Выше композицию продолжал живописный фриз с изображениями прекрасных полуобнаженных женщин, облаченных в яркие одежды и богатые украшения (рис. 3). Каждая женская фигура была представлена таким образом, чтобы нижняя часть тела оказалась скрыта облаками: они были написаны как продолжение настоящих скоплений облаков, отражающихся от отполированной скальной поверхности. С концепцией комплекса в целом связаны 22 сохранившихся до наших дней живописных образа, дополняющих и подчеркивающих его основную идею. Археологические раскопки Сигирии доказывают, что не только зона выше зеркальной стены была украшена живописью: все сады были окружены стенами и расписаны. Живопись несла определенную информацию, которая морально готовила посетителя к встрече с правителем.

Блестящий знаток южноазиатского искусства, А. Кумарасвами в труде «Средневековое сингальское искусство» 1908 г. первым выдвигает теорию о том, что на скалах Сигирии написаны полубогини — апсары (Coomaraswamy, 1908). В индуистской и буддийской традиции они находились в непосредственном услужении у богов. Небесные существа, по своему «статусу» находящиеся выше обычного человека, но ниже правителя Шри-Ланки, подчеркивали могущество царя, которого в те времена представляли как бога в человеческом обличье. Зеркальная стена вместе с росписью служила созданию у зрителя визуальной иллюзии, что верхняя часть скалы с дворцом на вершине словно парит в воздухе, подчеркивая его связь с миром богов (Абейсекера, 2026).

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

Коммуникативные функции

архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии

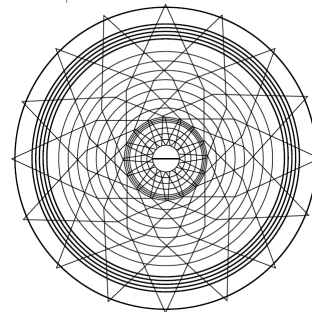

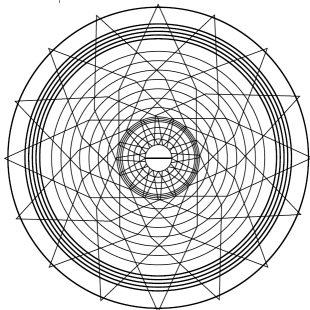
Рисунок 3. Фрагмент живописного фриз Сигирии

Источник: автор

На вершине был расположен царский дворец — средоточие власти и роскоши. Вокруг дворца были разбиты террасированные сады с экзотическими растениями, привезенными из разных стран. С этой высшей точки обзора избранным гостям Кашьяпы, которым было позволено достичь вершины, открывался подлинный масштаб замысла: отсюда видна не только пройденная им перспектива садов, уходящих к западу, но и необозримые дали окружающего природного ландшафта. Таким образом, вершина скалы — не просто конечная точка маршрута, а смысловой и визуальный центр всей системы, место, где раскрывается подлинное значение пройденного пути.

Все элементы комплекса Сигирии были соединены сетью искусственных водоемов, каналов с фонтанами и многочисленными павильонами различного назначения. Рукотворные водоемы, соединенные между собой серией подземных трубопроводов и представлявшие собой целую гидравлическую систему, стали уникальным инженерным достижением древней Шри-Ланки.

Визуальное структурирование ландшафта, выстроенное по принципу убывания человеческого присутствия и одновременного возрастания божественного, напрямую перекликается с буддийской и индуистской космографией (Cooray, 2012). Построенный таким образом, комплекс транслировал идею сакрализации власти и уподоблял царскую резиденцию небесному миру богов, Сварга-Локе. Это ключевое понятие в индуистской мифологии и космологии, обозначающее один из семи небесных миров, царство света и блаженства. Расположена обитель богов, согласно легендам, в заснеженных Гималаях, на вершине священной горы Меру. О том, что именно идеализм мифических Гималаев вдохновил Кашьяпу при проектировании

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

*Коммуникативные функции
архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии*

Сигирии, говорят исследователи Н. Чутивонгс, Л. Прематиллеке и Р. Сильва (Chutiwongs, 1990). Исследователь С. Паранавитана в своей статье «Сигирия — обитель бога-царя» (Paranavitana, 1950) выдвигает также гипотезу о том, что на создание комплекса Кашьяпу вдохновил мифический буддийский город Алакаманда, небесный дом бога богатства Куберы. Подражать Кубере на земле стремились многие сингальские правители, которые были также строителями богатейших дворцов и храмов (Краснодембская, 2012).

Символически Сигирия воссоздавала прекрасный город богов, построенный в облаках гималайских гор, и была призвана привлекать большое количество посетителей и паломников. Эта концепция дворца как небесной обители соответствовала и личным амбициям Кашьяпы. Согласно событиям, изложенным в древней хронике «Чулавамса» (Cuḷavaṃsa, 1973), Кашьяпа являлся сыном царя Дхатусены, рожденным от связи с наложницей. Помимо него у правителя был младший сын Могаллана, появившийся в законном браке. По традициям того времени власть и трон могли принадлежать только законнорожденному наследнику, но, не желая мириться со своим статусом, Кашьяпа совершил дворцовый переворот и стал правителем Шри-Ланки. Создание дворцово-паркового ансамбля на вершине труднодоступного плато было призвано воплотить мифологический образ небесного города богов, тем самым отождествляя правителя с божеством богатства Куберой и легитимизируя его статус.

Как отмечает исследователь Сигирии профессор С. Бандаранаяке, социальное значение комплекса заключалось в выражении «политико-религиозной концепции»: он воплощал возвышенное ритуальное положение короля, находящегося в своей резиденции на вершине горы, в окружении сложных архитектурно-ландшафтных композиций и удивительных произведений искусства (Bandaranayake, 2010). О том, что архитектурно-планировочное решение Сигирии можно рассматривать как проекцию небесного мира на земле, пишут также З. Бидерманн и А. Стратерн (Biederman, Strathern, 2017, p. 30).

4. Иммерсивность как создание мультисенсорного переживания

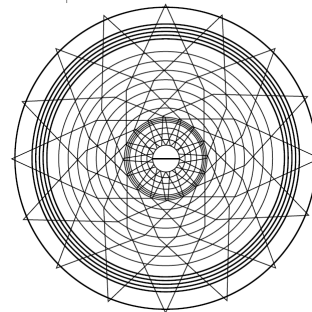
Если семиотика позволяет прочесть архитектуру как текст, то категория иммерсивности описывает качество переживания этого «текста» и сценариев поведения пользователя. Иммерсивность — та степень погружения, при которой архитектурное «сообщение» перестает восприниматься как внешняя информация, но проживается посетителем как субъективная реальность. Именно это качество превращает пространство из объекта наблюдения в среду обитания, а зрителя —

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

Коммуникативные функции

архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии

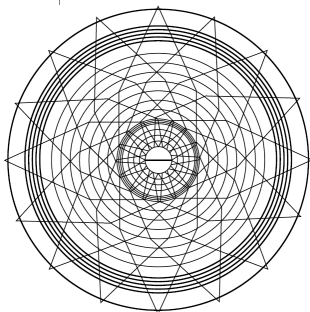

в участника события. Сенсорное взаимодействие еще больше обогащает повествовательный опыт, чем активно пользуются современные художники, создавая иммерсивные инсталляции, на примере которых можно ярко прочувствовать, как использование принципов нарративности позволяет формировать новое комплексное эмоционально насыщенное пространство.

Подобных примеров в современной художественной практике множество. Назовем лишь несколько наиболее ярких художников, использующих подобную стратегию: Ф. Инфанте, Я. Кусаме, Т. Сиоту, С. Шетти. Объединяет их создание иммерсивной среды, в которой пространство становится живым текстом, а зритель — главным героем разворачивающегося сюжета. Авторы погружают зрителя в промежуточное состояние между сном и бодрствованием, позволяющее совершить мистическое путешествие. Частью нарратива художники нередко делают и воду, как, например, французская художница С. Бурсье-Мужено.

Все эти приемы, интегрирующие нарративы в музейное пространство, — отнюдь не изобретение современности; религиозное искусство с древнейших времен использовало принципы повествовательности, о чем говорят современные исследователи. Например, британский археолог и египтолог Дж. Ромер замечает, что храмовая архитектура Древнего Египта служила не просто утилитарным или эстетическим целям: такие комплексы задействовали сразу несколько когнитивных механизмов, становясь инструментом для создания необыкновенно ярких и запоминающихся впечатлений (Romer, 1984). Физический акт прохождения через это закодированное пространство превращал абстрактное знание в осязаемый опыт, прочно закрепленный в памяти. Т. Андо подчеркивает сенсорные аспекты (свет, текстуру и звук), способные вызвать у посетителя эмоциональный резонанс, усилить глубину повествования в архитектурной среде (Ando, 1993).

Описанный подход опирается на фундаментальное положение когнитивной науки: человеческая память устроена пространственно. Когнитивист Б. Тверски в своих исследованиях демонстрирует, что пространственная память работает эффективнее, чем запоминание абстрактных понятий (Tversky, 1999). Извилистый коридор, внезапный поворот или монументальный дверной проем становятся мощными мнемоническими триггерами. Древние зодчие интуитивно использовали этот принцип, создавая структурированные пространства, где планировка закрепляла в сознании посетителя ключевые нарративы.

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

*Коммуникативные функции
архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии*

Архитектурно-ландшафтный комплекс Сигирии также выступал в качестве средства моделирования опыта, вовлекающего все органы чувств. Одним из лейтмотивов пространственного ансамбля стала *игра со светом и отражением*. Система водных парков с многочисленными фонтанами, декоративными прудами и бассейнами, служившими для развлечения самого царя, его приближенных и почетных гостей, создавала блики на окружающих поверхностях. В то же время опоясывающая скалу «зеркальная стена», отполированная так тщательно, что в ней могли отражаться облака, служила границей между земным, физическим, и небесным миров, обителью богов.

Помимо перечисленного, при проектировании объемно-пространственного решения Сигирии древние инженеры широко использовали свойства других природных явлений, таких как *солнечный и лунный свет*. Дорожки, лестницы, полы галерей и в особенности дно многочисленных неглубоких декоративных водоемов и фонтанов были покрыты (наряду с мрамором) плиткой из особого минерала, называемого «лунным камнем». Этот минерал был известен благодаря своему свойству мерцать и переливаться под воздействием лунного света. Отражаясь от белого каменного покрытия, блики лунного света мистическим сиянием освещали ансамбль, и это зрелище производило неизгладимое впечатление на посетителей, которым посчастливилось увидеть Сигирию в лунном свете. Взаимодействие вертикальных и горизонтальных зеркальных поверхностей с солнечным или лунным светом находилось в постоянной изменчивости в зависимости от сезона и времени суток, каждый раз производя на зрителя новый эффект.

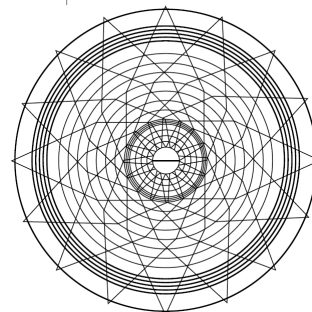
Исследования в области когнитивной археологии показывают, что вода в древних комплексах могла играть роль мнемонического элемента. В качестве примера можно привести столицу Ассирийского государства, Ниневию, которая, как и Сигирия, была снабжена сложной гидравлической системой. Ассирийский царь Сеннахериб (704–681 гг. до н. э.) использовал механизмы ритуализации этих строительных проектов. Как отмечает исследователь К. Нойманн, ирригационные системы, в сочетании с идеализированным описанием этих проектов в текстах и связанной с ними культурной памятью, подтверждали для народа Ассирии роль Сеннахериба как посредника между богами и людьми и распространение его власти не только на людей, землю и ее ресурсы, но и на сферу космоса (Neumann, 2021). Водные поверхности Сигирии, отражающие облака, могли выполнять схожую метафорическую функцию, выступать медиумом, соединяющим земное пространство с макрокосмосом.

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

Коммуникативные функции

архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии

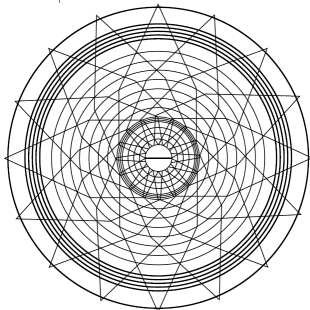

К этому визуальному ряду, предположительно, добавлялись и сложные *акустические эффекты*: звуки колокольчиков, барабанов и труб, эхо, а также тихое журчание воды, медленно текущей по каменным поверхностям, которая позволяла создавать ощущение прохлады и воздействовала на гостей умиротворяюще. Научные исследования способов, при помощи которых древние архитекторы манипулировали звуковыми волнами, сложились в отдельную дисциплину — археоакустику.

Некоторые древние памятники были спроектированы так, чтобы их не только видели, но и слышали. Примером служит гипогей Хал-Сафлиени (Мальта), где специфическая геометрия подземных камер создает контролируемые резонансные эффекты. В подземных лабиринтах этого мегалитического каменного комплекса начало сооружения которого относится к 4000 г. до н. э., звук обретал собственную жизнь: реверберация способна растянуть каждое произнесенное слово в длинное резонирующее эхо. Когда в таком пространстве произносились священные песнопения, звук трансформировался и усиливался самими стенами, оставаясь в памяти каждого присутствующего. Исследователь Р. Тилл демонстрирует, что для людей, создавших гипогей, акустика имела особое значение и ритуальную силу (Till, 2017).

Само трудоемкое восхождение к вершине «львиной скалы» формировало опыт, прочно закреплявшийся в памяти. Это верно и для современных туристов, но во времена Кашьяпы, когда посетить Сигирию могли лишь избранные, эффект эффект был гораздо сильнее. Восхождение к священному месту, будь то греческие Дельфы или критские горные святилища, часто было преднамеренным испытанием. С каждым шагом внимание посетителя обострялось, отбрасывая отвлекающие факторы повседневной жизни. Этот путь готовил его к глубокому когнитивному переживанию. В момент, когда после изнурительного подъема перед путником открывалась захватывающая дух панорама, его разум становился «чистым листом», исключительно восприимчивым к запечатлению информации. Ширина каменных галерей Сигирии естественным образом уменьшалась и расширялась на разных участках, и проходящий сквозь них человек испытывал иллюзию искажения пространства и времени. Все это служило для психологической подготовки посетителя к кульминационной точке путешествия — встрече с хозяином «небесного дворца», правителем Шри-Ланки Кашьяпой.

Вход во дворец «охранял» сидящий лев. Его фигура была выложена из кирпича на северном склоне скалы (там же, где находится вход в королевский дворец). Эта огромная скульптура высотой не менее 17 м, от которой к нашему времени уцелели лишь лапы с массивными когтями, стала центральным

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаева М. С.

*Коммуникативные функции
архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии*

элементом дворцово-паркового ансамбля (рис. 4). Фигура льва не являлась декоративным компонентом какой-либо постройки, как это было распространено в мировой практике с глубокой древности, а сама служила архитектурным элементом — фигуративным порталом, интегрированным в природный ландшафт.

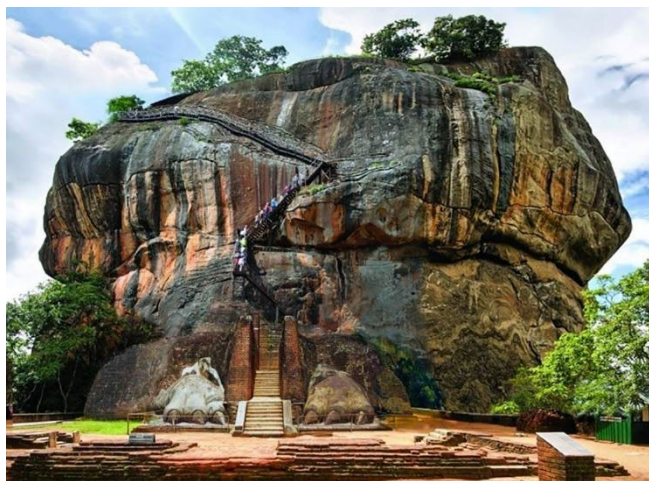

Рисунок 4. Общий вид скалы с львиными лапами в Сигирии

Источник: автор

Образ льва сам по себе является сложным и многогранным символом. Во многих мировых культурах правителю приписывали храбрость, силу, покровительство льва (Бондаренко, 2005). Согласно индуистской картине мира, это почитаемое животное имеет связь и с божеством Куберой, которого называют хранителем Севера и традиционно изображают в том числе восседающим на льве. Протома льва функционирует как доминантный символ, который аккумулирует все предыдущие значения и напрямую отсылает к фигуре правителя как земного воплощения Куберы.

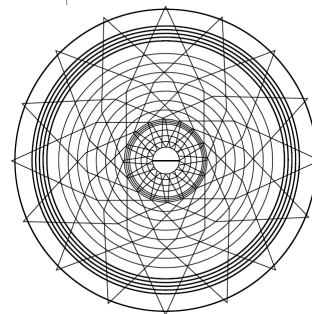
Площадь перед львом (размером около 50 м в длину и 35 м в ширину) предположительно являлась местом встречи «простых смертных» с правителем. На основании метода сценарного моделирования можно предположить, что протома служила в качестве постамента для обращения царя к публике, собравшейся перед львом. Само название скалы, состоящее из двух частей, принято переводить как «львиная гора» от «сиха́» (львиный) + «ги́ри» (гора). Однако слово «гири» на сингальском языке также означает «горло». Согласно нашей гипотезе, пасть льва играла роль своеобразной трибуны или резонатора, согласно чему можно предположить, что название «Сиха-гири» могло означать и «львиное горло» или «львиный голос». Предположительно, акустические свойства пространства были задействованы для усиления или специфической передачи голоса царя.

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

Коммуникативные функции

архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии

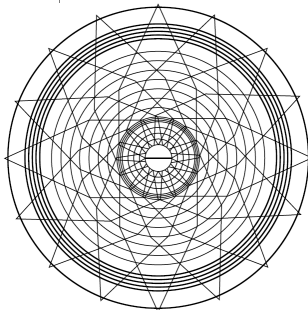
Образ льва подчеркивал «божественную» природу правителя, его власть и могущество, приводя в трепет собравшихся внизу посетителей (Абейсекера и Воробьева, 2025). Информация, преподнесенная таким способом, несла неоспоримый авторитет. Как отмечает политолог Дж. Скотт, государства на протяжении всей истории укрепляли свою власть, контролируя поток информации (Scott, 2009). Это делало архитектуру древних сообществ инструментом власти: тот, кто контролировал путь к вершине (дворцу, святилищу), контролировал повествование, запечатлеваемое в умах людей.

Таким образом, путь от подножия до вершины, через регулярный водный парк и сад валунов, был выстроен как драматургически организованное восхождение, в котором категория иммерсивности становится ключевой. Планировка и визуальные решения комплекса обнаруживают глубокое понимание психологии восприятия: маршрут был тщательно срежиссирован как последовательная смена впечатлений. Архитектура здесь выступает инструментом суггестии, мягко, но неуклонно ведущим посетителя к встрече с правителем, выступавшим как проводник божественной воли.

5. Заключение

Архитектурно-планировочное решение Сигирии представляет собой сложно организованную, целостную коммуникативную визуальную среду, где архитектура, ландшафт и искусство служат инструментами формирования образа власти в глазах значимого для Кашьяпы зрителя. Для этого были задействованы все органы чувств: это и впечатляющий вид самого дворца, словно парящего на вершине скалы, и любование разнообразными эффектными произведениями искусства, и чувство прохлады среди многочисленных искусственных водоемов, и наслаждение приятными звуками, музыкой и запахами цветов, сопровождавшими осмотр. Каждая из отдельных парковых зон Сигирии, объединенных в гармоничную композицию, была организована в соответствии со сторонами света и определенной тематикой, отличаясь уникальным набором пространственных, кинетических, звуковых и визуальных эффектов.

Весь комплекс Сигирии служил наглядному воплощению статуса царя, который выступал не просто светским правителем, а носителем «божественной воли». Сам он обитал на вершине, подобно небожителям, а скала, возвышающаяся над обширной окружающей равниной, представала перед гостями в образе мистического парящего дворца, где правитель встречает гостей. Более того, эта среда была спроектирована как перформативная: ее подлинный смысл раскрывался не в статическом созерцании, а в процессе

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.
*Коммуникативные функции
архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии*

движения. Пространство Сигирии коммуницировало с посетителем, последовательно разворачивая перед ним нарратив и закрепляя его в памяти. В этом отношении ланкийский памятник древности предвосхитил принципы современной коммуникативной и иммерсивной визуальной среды. Подобно тому, как сегодня архитекторы, ландшафтные дизайнеры и кураторы выставок выстраивают сценарии эмоционального вовлечения зрителя, закладывая в них определенные смыслы, создатели Сигирии сконструировали пространство, главным содержанием которого становился сам опыт переживания.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абейсекера, С. Х. М., Воробьева, Д. Н. (2025). Применение метода сценарного моделирования для виртуальной реконструкции утраченных памятников на примере Сигирии. Концепт: философия, религия, культура, 9(1), 116–130. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-116-130>

Абейсекера, С. Х. М. (2026). Женские образы Сигирии: иконография и интерпретация. Обсерватория культуры. 23(2), 176–188. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2026-23-2-176-188>

Бондаренко, Д. М., Андреева, Л. А., Коротаев, А. В. (2005). Сакрализация власти в истории цивилизаций. ЦЦРИ РАН.

Краснодембская Н. Г., Сенасинха Р. Д. (2012). Образ льва в мифологии и символике сингалов Шри Ланки (от предыстории к современности). Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени, МАЭ РАН, 72–83.

Эко, У. (2006). Отсутствующая структура. Введение в семиологию (В. Резник и А. Погоняйло, пер.). Петрополис.

Ando, T. (1993). Light and Shadow. El Croquis, 58, 28–41.

Bandaranayake, S. (1993). Amongst Asia's Earliest Surviving Gardens: the Royal and Monastic Gardens at Sigiriya and Anuradhapura. Historic Gardens and Sites. Sri Lanka Committee of ICOMOS.

Biedermann, Z., Strathern, A. (2017). Sri Lanka at the Crossroads of History. UCL Press. <https://doi.org/10.14324/111.9781911307822>

Chutiwongs, N. (1990). Paintings of Sri Lanka: Devinuvara. Archaeological Survey of Sri Lanka.

Cuṭṭavamsa. (1973). Pali Text Society: Distributed by Routledge & Kegan Paul.

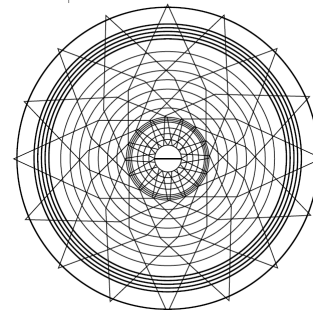
Coates, N. (2012). Narrative Architecture. Wiley.

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

Коммуникативные функции

архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии

Coomaraswamy, A. K. (1908). Mediaeval Sinhalese Art. Pantheon Books.

Cooray, N. (2012). The Sigiriya Royal Gardens: Analysis of the Landscape Architectonic. CreateSpace Independent Publishing Platform.

Kolb, M. J. (2020). Making Sense of Monuments: Narratives of Time, Movement, and Scale. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429427756>

Martin, R. (2003). The Organizational Complex: Architecture, Media, and Corporate Space. MIT Press.

McLuhan, M. (1964). Understanding Media: The extensions of man. Routledge & Kegan Paul.

Neumann, K. (2021). Urbanisation Beyond the City Walls: Ritualised Practice and Sensory Experience at Sennacherib's Khinis Canal Head. De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/urbrel.16426157>

Norberg-Schulz, C. (1980). Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. Rizzoli.

Paranavitana, S. (1950). Sigiri — the Abode of a God-King. Journal of the Ceylon Branch of the Royal Asiatic Society, 1, 129–162.

Preucel, R. W. (2010). Archaeological Semiotics. Wiley-Blackwell.

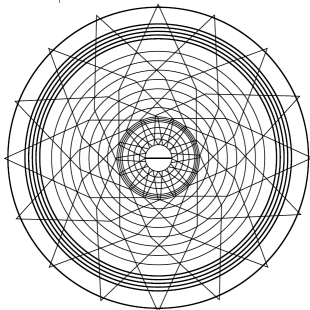
Romer, J. (1984). Ancient Lives: daily life in Egypt of the pharaohs. Scribner.

Renfrew, C., Zubrow, E. B. W. (1994). From domain specific to generalized intelligence: a cognitive interpretation of the Middle/Upper Palaeolithic transition. In C. Renfrew, E. B. W. Zubrow (Eds.), The Ancient Mind: Elements of Cognitive Archaeology. Cambridge University Press, pp. 29–39. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598388.005>

Scott, J. C. (2009). The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. Yale University Press

Till, R. (2017). An archaeoacoustic study of the Hal Saflieni Hypogeum on Malta. Antiquity, 91(355), 74–89. <https://doi.org/10.15184/aqy.2016.258>

Tversky, B., Morrison, J. B., Franklin, N., & Bryant, D. J. (1999). Three spaces of spatial cognition. Professional Geographer, 51(4), 516–524.

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.
*Коммуникативные функции
архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии*

COMMUNICATIVE FUNCTIONS OF THE ARCHITECTURAL AND PLANNING SOLUTION OF THE SIGIRIYA COMPLEX

Abeysekera S. H. M.

Student of the Doctoral Program
“Fine and Decorative Arts and Architecture”,
HSE University
(Moscow, Russia)
sanathab66@gmail.com

Vorobyeva D. N.

Candidate of Art History, Senior Researcher,
Art Sector of Asian and African Countries,
State Institute for Art Studies,
(Moscow, Russia)
darya_vorobyeva@mail.ru

Shibaeva M. S.

Philologist, Faculty of Philology,
Lipetsk State Pedagogical University
(Lipetsk, Russia)
maja99@list.ru

Abstract:

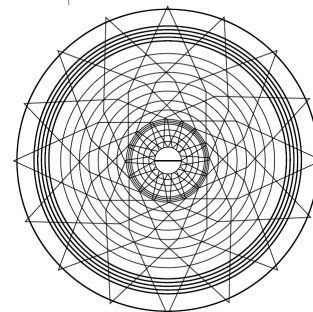
In the 5th century AD, on a flat mountain plateau in the very center of Sri Lanka, a large-scale palace and garden complex was built at the initiative of King Kashyapa, unifying achievements from various cultural domains of its time: urban planning, landscape design, architecture, hydraulics, painting, and sculpture. To this day, only ruins of the ensemble have survived, becoming a landmark of the island. In 1982, the complex was designated a UNESCO World Heritage Site. Traditional scholarship has predominantly examined Sigiriya within the categories of archaeology or art history. However, the complex constituted an integrated environment, designed to reflect the concepts embedded within it and to exert a specific impact on the visitor. This article analyzes the architectural and planning design of Sigiriya for the first time as a communicative visual environment. Drawing on concepts from architectural semiotics and the narrative approach to space, as well as methods of scenario modeling, the author reconstructs the intent of the ancient creators of the complex. It is demonstrated that the path from the

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.

Коммуникативные функции

архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии

foot to the summit of the rock was organized as a dramaturgically constructed ascent, engaging all the senses: light and acoustic effects, mirror surfaces, and tactile sensations. Each zone of the complex – from the elaborate system of water gardens to the palace on the summit – possessed unique characteristics, all subordinate to a single task: to visualize the sacral nature of the ruler's power.

Keywords: architecture, South Asia, Sigiriya, semiotics, narrative architecture, spatial experience, immersiveness

REFERENCES

Abeysekera, S. Kh. M., & Vorob'eva, D. N. (2025). *Primenenie metoda stsenarnogo modelirovaniya dlya virtual'noy rekonstruktsii utrachennoykh pamyatnikov na primere Sigirii. Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*, 9(1), 116–130. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-116-130>

Abeysekera, S. Kh. M. (2026). *Zhenskie obrazy Sigirii: ikonografiya i interpretatsiya. Observatoriya kul'tury*, 23(2), 176–188. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2026-23-2-176-188>

Ando, T. (1993). *Light and Shadow. El Croquis*, (58), 28–41.

Bandaranayake, S. (1993). *Amongst Asia's Earliest Surviving Gardens: the Royal and Monastic Gardens at Sigiriya and Anuradhapura*. In *Historic Gardens and Sites*. Sri Lanka Committee of ICOMOS.

Biedermann, Z., & Strathern, A. (2017). *Sri Lanka at the Crossroads of History*. UCL Press. <https://doi.org/10.14324/111.9781911307822>

Bondarenko, D. M., Andreeva, L. A., & Korotaev, A. V. (2005). *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsiy*. TsTsRI RAN.

Chutiwongs, N. (1990). *Paintings of Sri Lanka: Devinuvara*. Archaeological Survey of Sri Lanka.

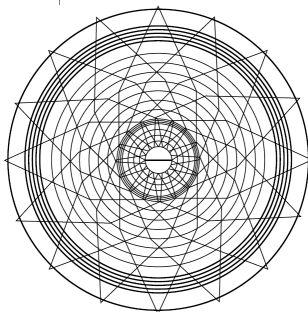
Coates, N. (2012). *Narrative Architecture*. Wiley.

Coomaraswamy, A. K. (1908). *Mediaeval Sinhalese Art*. Pantheon Books.

Cooray, N. (2012). *The Sigiriya Royal Gardens: Analysis of the Landscape Architectonic*. CreateSpace Independent Publishing Platform.

Cuṭṭapaṇṇasā. (1973). *Pali Text Society: Distributed by Routledge & Kegan Paul*.

Eko, U. (2006). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* (V. Reznik & A. Pogonyaylo, Trans.). Petropolis.

[Научные статьи]

Абейсекера С. Х. М., Воробьева Д. Н., Шибаета М. С.
*Коммуникативные функции
архитектурно-планировочного решения комплекса Сигирии*

Kolb, M. J. (2020). Making Sense of Monuments: Narratives of Time, Movement, and Scale. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429427756>

Krasnodembskaya, N. G., & Senasinha, R. D. (2012). Obraz l'va v mifologii i simbolike singalov Shri Lanki (ot predistorii k sovremennosti). In Bestiariy II. Zoomorfizmy Azii: dvizhenie vo vremeni, MAE RAN, 72–83.

Martin, R. (2003). The Organizational Complex: Architecture, Media, and Corporate Space. MIT Press.

McLuhan, M. (1964). Understanding Media: The extensions of man. Routledge & Kegan Paul.

Neumann, K. (2021). Urbanisation Beyond the City Walls: Ritualised Practice and Sensory Experience at Sennacherib's Khinis Canal Head. De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/urbrel.16426157>

Norberg-Schulz, C. (1980). Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. Rizzoli.

Paranavitana, S. (1950). Sigiri – the Abode of a God-King. Journal of the Ceylon Branch of the Royal Asiatic Society, (1), 129–162.

Preucel, R. W. (2010). Archaeological Semiotics. Wiley-Blackwell.

Renfrew, C., & Zubrow, E. B. W. (1994). From domain specific to generalized intelligence: a cognitive interpretation of the Middle/Upper Palaeolithic transition. In C. Renfrew, & E. B. W. Zubrow (Eds.), The Ancient Mind: Elements of Cognitive Archaeology (pp. 29–39). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598388.005>

Romer, J. (1984). Ancient Lives: daily life in Egypt of the pharaohs. Scribner.

Scott, J. C. (2009). The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. Yale University Press.

Till, R. (2017). An archaeoacoustic study of the Hal Saflieni Hypogeum on Malta. Antiquity, 91(355), 74–89. <https://doi.org/10.15184/aqy.2016.258>

Tversky, B., Morrison, J. B., Franklin, N., & Bryant, D. J. (1999). Three spaces of spatial cognition. Professional Geographer, 51(4), 516–524.